

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 16**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 16 / Нет автора – М.: Книга
по Требованию, 2021. – 306 с.

ISBN 978-5-458-04666-4

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04666-4

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

Пироговъ какъ психологъ, философъ и богословъ.

«Тѣ изъ специалистовъ, которые отличались своими истинными заслугами, вовсе не были односторонними культиваторами одной какой-либо изъ своихъ умственныхъ способностей, прежде чѣмъ избрали свою специальность. Только разностороннему предварительному развитію своихъ способностей они и обязаны успѣхомъ въ культурѣ избраннаго ими предмета; только этимъ способомъ они, расширивъ свой кругозоръ, съумѣли найти новые пути и посмотреть на дѣло новымъ взглядомъ».

Пироговъ. Вопросы жизни.
(Дневникъ стараго врача).

Если біографіи великихъ людей особенно цѣнны для человѣчества, то не менѣе цѣнны и автобіографіи ихъ. И это понятно, ибо въ автобіографіи открывается вполнѣ внутренняя жизнь человѣка, все то, чѣмъ была полна его субъективная природа. Здѣсь открывается, такъ сказать, самое дно души, та энергія, которая заправляла умомъ, сердцемъ, чувствами и волей человѣка,—та потенція, которая проявилась во внѣшней жизни человѣка въ видѣ живой силы, въ видѣ поступковъ, дѣяній и вообще внѣшней дѣятельности субъекта, оставившей глубокой слѣдъ или неотразимое вліяніе на людей, окружающій міръ и даже на потомство.

Мы полагаемъ, что автобіографія столь замѣчательнаго

человѣка, какъ Николай Ивановичъ Пироговъ, составляетъ для всякаго русскаго человѣка,— я уже не говорю о врачахъ,— драгоцѣннѣйшее достояніе. Въдѣ на основаніи этой автобіографіи легко выяснить, какія думы наполняли умъ его, чѣмъ жило его широкое русское сердце, во что онъ вѣровалъ и какъ философствовалъ. Для врачей и читающей публики уже не новинка тѣ характеристики Николая Ив., которыя касаются его какъ врача, хирурга и даже педагога; но я полагаю, что не будетъ также лишнимъ появленіе болѣе или менѣе систематической характеристики Пирогова какъ мыслителя, философа. Въ самомъ дѣлѣ, насколько намъ извѣстно, до сихъ поръ въ литературѣ еще не было сдѣлано ни одной попытки къ систематическому изученію съ этой именно стороны дневника Николая Ив., для того, чтобы нарисовать, такъ сказать, въ цѣльной картинѣ весь внутренній строй этой великой души. Развѣ философія Пирогова не представляетъ огромнаго интереса не только для читающей образованной публики, но также и для специалистовъ-философовъ, психологовъ и врачей? Развѣ его этика, его богословскія дискурсіи не представляютъ своего рода знаменія времени? Мы знаемъ, что Николай Ив. пережилъ нѣсколько доминирующихъ періодовъ русской жизни, литературы, различныхъ соціальныхъ теченій. Вліяніе всѣхъ этихъ теченій русской жизни должно же было отложиться на днѣ его души, на его мысляхъ, чувствованіяхъ,—словомъ, на всемъ его міросозерцаніи.

И вотъ потому-то я съ особеннымъ чувствомъ благоговѣя принялся за изученіе его автобіографіи, результатомъ чего я имѣю въ виду изложить, насколько возможно систематичнѣе, основные психологическіе, философскіе и богословскіе взгляды Пирогова.

Я позволяю себѣ раздѣлить его міровоззрѣніе на три отдѣла. Въ первомъ отдѣлѣ постараюсь изобразить психологію Пирогова, во второмъ—его философію, и въ третьемъ—его богословскіе взгляды.

I.

«Сколько бы я ни ѣлъ рыбы и гороху (по совѣту Молешотта), никогда я не соглашусь отдать мое я въ крѣпостную зависимость отъ продукта, случайно полученнаго алхиміей изъ мочи».

Пироговъ *.Дневникъ стараго врача.*

Въ области психологіи Николай Ив. является спиритуалистомъ, хотя самъ сознается, что для врача признаніе безсмертной души, независимой отъ тѣла, не легко. «А врачу это трудно,—пишетъ онъ,—Вольтеръ грубо, но мѣтко выразилъ это, свойственное всѣмъ врачамъ сомнѣніе: „находили ли вы когда-нибудь, докторъ, при вашихъ изслѣдованіяхъ безсмертную душу между мочевымъ пузыремъ и прямою кишкою?“ Вопросъ нелѣпъ,—продолжаетъ Пироговъ, и смѣшонъ; но онъ непремѣнно въ томъ или другомъ видѣ представляется анатомамъ, физиологамъ и практикамъ». «Для меня невозможно сдѣлалось остановиться на анализѣ одной матеріи и отвергнуть необходимость существованія высшаго духовнаго начала, какъ источника разума, воли, чувства и жизни», такъ продолжаетъ далѣе Пироговъ, поборовъ свои анатомическія и физиологическія сомнѣнія. Но этого мало. «Умъ моего склада,—пишетъ онъ,—гораздо легче допускаетъ, что связь, не подлежащая сомнѣнію, вещественнаго организма съ отвлеченнымъ началомъ, ускользающимъ отъ нашего представленія, происходитъ посредствомъ особаго, такъ сказать—переходнаго, начала, болѣе близкаго по своимъ свойствамъ къ веществу и потому легче представляемаго нами, но ускользающаго отъ точнаго научнаго разслѣдованія. Я иду еще далѣе и представляю себѣ не невозможнымъ, что атомы невѣсимаго элемента (икса), оставляя органическую машину безъ дѣйствія, сами могутъ удержать на себѣ ея обликъ и нѣкоторыя ея психическія свойства, изображая собою какъ бы отпечатокъ того организма, который они оживляли своими колебаніями». Въ другомъ мѣ-

сть Пироговъ пишетъ: «Наше я цѣльно, нераздѣльно и тождественно въ теченіе всей нашей жизни». Онъ убѣжденъ, что не міросознаніе, а именно самосознаніе и есть наше человѣческое я. Несмотря на локализацию въ мозгу психическихъ функцій, наше я, тѣмъ не менѣе, не можетъ быть локализованнымъ. «То, что въ насъ ощущаетъ,— пишетъ Пироговъ,—то ощущающее начало есть нѣчто нераздѣльное, цѣльное и едва ли когда въ теченіе жизни измѣняемое; его нельзя локализовать въ той или другой порціи мозга и едва ли можно назвать и самый мозгъ единственнымъ его мѣстопробываніемъ».

Говоря о такъ называемомъ безсознательномъ мышленіи, Пироговъ прежде всего самый терминъ — «безсознательное мышленіе» — считаетъ нелѣпымъ. Онъ предлагаетъ назвать его «безыменнымъ, неудобоназываемымъ мышленіемъ, а не бессмысленнымъ прозвищемъ». Засимъ въ этомъ quasi-безсознательномъ мышленіи, сопровождающемъ всѣ наши чувственные воспріятія, ощущенія, представленія и т. д., онъ видитъ самое характеристическое свойство нераздѣльности и цѣльности нашего я. «Наше я, — пишетъ онъ, — играетъ какъ будто на клавишахъ тѣхъ органовъ, функціямъ которыхъ эмпиризмъ приписываетъ зрѣніе, слухъ, память, слово и т. д., и, выражая своею игрою эти функціи, наше я само участвуетъ въ нихъ, какъ нераздѣльное цѣлое, связывая ихъ и проявляя ими свое бытіе».

Задавая себѣ далѣе вопросъ: не въ колебаніяхъ ли атомовъ мозга заключается суть нашего я, Пироговъ категорически отвѣчаетъ отрицательно. Для него это невозможно, ибо въ противномъ случаѣ придется признать въ каждомъ атомѣ нѣчто невещественное, духовное, что, конечно, нелѣпость.

Такимъ образомъ, по Пирогову, наше я есть независимое отъ матеріи психическое начало, связанное съ видимымъ тѣломъ какою-то мистической, крайне тонкою, эфирною субстанціей. Подобное воззрѣніе Пироговъ самъ считаетъ мистическимъ, но при этомъ, однако же, продолжаетъ: «От-

вергать одно, потому, что мы убѣждены въ несомнѣнной противуположности ему другого, дѣло опасное. Какъ бы то ни было и какъ бы недовѣрчиво мы ни относились къ спиритизму съ одной стороны и къ ученію церкви о загробной жизни съ другой,—я, не отвергая ни того, ни другого, считаю не невозможнымъ признать нѣчто вещественное (въ моемъ смыслѣ) въ нашей загробной жизни и вмѣстѣ съ тѣмъ вѣрую, по крайней мѣрѣ стараюсь вѣрить и прошу Бога даровать мнѣ эту вѣру, въ духовную, загробную жизнь и, какъ отвлеченіе, для насъ не постижимую. Такъ вѣрить я обязанъ какъ христіанинъ; вѣра—вѣнецъ ученія Христа; идеаль вѣры поставленъ имъ въ загробную жизнь».

Помимо своего единства и цѣльности, наше я, по Пирогову, есть жизненное, основное, организующее начало нашей физической природы. «Мой умъ, — говоритъ Николай Ив., — не допускаетъ, чтобы одна группировка атомовъ въ извѣстныя формы (наприм. мозговья клѣточки) могла ихъ сдѣлать способными ощущать, хотѣть и сознать, еслибы въ нихъ не была вложена способность къ ощущенію и сознанію». Итакъ, основное начало чувства, воли и сознанія, эта основа нашего бытія лежитъ за предѣлами атомовъ матеріи, имѣя всѣ отрицательныя свойства матеріи. Въ этой-то основѣ и лежитъ жизненное начало. Безъ этой основы, имѣющей всѣ свойства отрицательныя по отношенію къ матеріи, положительныя свойства міра и матеріи для насъ не существовали бы.

Вѣра въ самостоятельное и безсмертное существованіе души человѣка, Пироговъ однако, по нашему крайнему мнѣнію, высказываетъ нѣсколько мыслей, напоминающихъ пантеистическое воззрѣніе. Будучи убѣжденъ, что мысль безъ мозга, безъ словъ возможна (какъ это онъ видитъ у пчелы, муравья и т. д.), онъ думаетъ все же, что самъ мозгъ и слово суть произведенія міровой мысли «и, конечно, не случайны!» «Я полагаю,—говоритъ онъ,—что мозгъ есть исключительный органъ индивидуальнаго сознанія, мышленіе же наше зависитъ отъ мозга настолько, насколько онъ

есть органъ слова и ощущеній, приносимыхъ различными органами. Но ни мозгъ, ни другіе органы себя самихъ не ощущаютъ сознательно». *«Начало жизни, жизненная сила, духъ бытія, конечно, не имѣетъ своего я; оно не можетъ имѣть индивидуально-человѣческаго сознанія, оно общее; но, направляя силы и элементы къ сформированію организмовъ, это организующее начало жизни дѣлается самоощущающимъ, самосознающимъ, племеннымъ или личнымъ. И въ каждой животной особи, кромѣ сознанія (болѣе или менѣе яснаго) личности, существуетъ еще сознаніе племенное, а въ людяхъ, кромѣ племеннаго я, есть еще и общечеловѣческое». Всѣ эти сознанія «суть олицетвореніе міровой мысли, совершаемое жизненною силою».*

Пироговъ не сомнѣвается въ существованіи жизненной, организующей силы, или начала. Такія отвлеченія, какъ міровая цѣлесообразность, общій планъ творенія, міровая мысль, сила не зависящая отъ вещества, начало или сила жизни, проникающее вещество, но не зависимое ни отъ него, ни отъ физическихъ силъ,—кажутся Пирогову также несомнѣнными, какъ его собственное существованіе. Мозгъ, по Пирогову, есть «какъ бы стѣна» «для задержанія и проявленія въ личномъ видѣ этого вселенскаго разума», и это предположеніе ему кажется болѣе вѣроятнымъ, чѣмъ «то, вышедшее изъ школы чистокровныхъ матеріалистовъ, по которому наша мысль приводится въ зависимость отъ мозгового фосфора. Сколько бы я ни ѣлъ рыбы и гороху (по совѣту Мошотта), никогда я не соглашусь отдать мое я въ крѣпостную зависимость отъ продукта случайно полученнаго алхиміею изъ мочи. Если намъ суждено въ нашихъ міровоззрѣніяхъ подвергаться постоянно иллюзіямъ, то моя иллюзія, по крайней мѣрѣ, утѣшительна. Она мнѣ представляетъ вселенную разумною и дѣятельность дѣйствующихъ въ ней силъ цѣлесообразною и осмысленною, а мое я—не продуктомъ химическихъ и гистологическихъ элементовъ, а олицетвореніемъ общаго вселенскаго разума, который я представляю себѣ свободно дѣйствующимъ по тѣмъ же законамъ, кото-

рые начертаны имъ и для моего разума, но не стѣсненнымъ нашею человѣчески сознательною индивидуальностью».

Перейдемъ теперь къ разсмотрѣнію интересныхъ и оригинальныхъ взглядовъ Николая Ив. на человѣческую память и волю.

Онъ полагаетъ, что память бываетъ двухъ родовъ: общая (идеальная, міровая) и частная (техническая)—музыки, цвѣтовъ, чиселъ и т. д. Память прошлыхъ ощущений и составившихся изъ нихъ представленій, мыслей, взглядовъ и убѣжденій можетъ быть тоже технической, а не общею. Вниманіе и память не всегда сознательны. «Мы многое запоминаемъ и многому внимаемъ невольно и незамѣтно для насъ самихъ». Пироговъ думаетъ, что при постоянной и непрерывной смѣнѣ вещества мозга (физиологическій метаболизмъ—обмѣнъ веществъ) трудно объяснить память и ея живость, стоя на чисто-физиологической и особенно матеріалистической почвѣ. Въ особенности непонятнымъ является болѣе ясное и живое воспоминаніе въ старости дѣтскихъ или юношескихъ ощущений, впечатлѣній, чувствъ и мыслей, и т. д. Нужно (на физиологической почвѣ) предположить, что атомы мозга, замѣняясь при смѣнѣ вещества новыми, передаютъ имъ тѣ самыя колебанія, которымъ они сами подвергались при ощущеніи и воспріятіи различныхъ впечатлѣній. Но почему именно въ старости живѣе эти колебанія атомовъ мозга и воспоминанія дѣтскихъ и вообще давнихъ впечатлѣній, и въ силу какихъ законовъ смѣняющіеся атомы передаютъ свои колебанія новымъ поступившимъ на ихъ мѣсто атомамъ, это на матеріалистической почвѣ необъяснимо.

Вотъ почему Николай Ив. полагаетъ, что атомистическія колебанія совершаются не въ однихъ видимыхъ, доступныхъ эмпирическому изслѣдованію клѣточкахъ мозга, но въ какомъ-то еще другомъ болѣе тонкомъ, эфирномъ элементѣ, проникающемъ черезъ всѣ атомы клѣтокъ мозга и не подверженномъ органическимъ, метаболическимъ измѣненіямъ. Очевидно, это—то уже намъ знакомое начало или субстанція, которая связываетъ наше духовное (метафизическое) я съ

физиологическимъ организмомъ и которое по Пирогову послѣ смерти не разрушается.

Что касается, далѣе, человѣческой воли, то при разсмотрѣніи ея Николай Ив. прежде всего строго дифференцируетъ хотѣнія отъ желаній. Онъ полагаетъ, что «хотѣть можно и сознательно и безсознательно, но всегда съ дѣйствіемъ желать же можно только сознательно и строго анализуя, всегда безъ дѣйствія». Стало-быть акты хотѣнія могутъ быть безсознательны, рефлекторны и всегда сопровождаются мышечными сокращеніями или вообще дѣйствіями. Для нихъ не обязательно непременно проходить черезъ сферу сознанія, но безъ дѣйствій они не мыслимы для Пирогова. Что же касается актовъ желанія, то они обязательно должны проходить черезъ сферу сознанія. Анализъ, обдумываніе мотивовъ — вотъ что заключается въ актахъ желанія. Они не сопровождаются мышечными сокращеніями и дѣйствіями человѣка, ибо въ дѣйствіяхъ мы имѣемъ уже хотѣніе, а не желаніе. «Я,—говоритъ Пироговъ,—могу желать что-либо доброе и въ то же время хотѣть и дѣлать что-либо худое. Я сильно желаю поднять мою парализованную руку, но хотѣніе не будетъ реализовано, ибо не будетъ дѣйствія, т.-е., движенія руки». Пироговъ называетъ волей собственно только акты хотѣнія съ дѣйствіемъ, ибо говоритъ, что «воля должна быть въ нормальномъ состояніи всегда сильнѣе желаній».

Что касается засимъ вопроса о свободѣ воли, то Пироговъ категорически не рѣшаетъ этого вопроса ни эмпирически, ни метафизически. Онъ говоритъ, что наши чувства могутъ насъ обманывать и что свобода воли есть благодѣтельная для насъ иллюзія, безъ которой, однако, нравственная жизнь была бы не мыслима, да и проявленіе физической жизни встрѣчало бы препятствіе въ насъ же самихъ.

«Можно утверждать,—пишетъ Пироговъ,—что ни воля, ни мысль, ни совѣсть человѣка не произвольны, но свободны въ границахъ опредѣленныхъ извѣстными органическими и психическими законами». Произволъ и свобода, стало-быть, не одно и то же. Не рѣшая категорически вопроса о сво-

бодѣ воли, Пироговъ, тѣмъ не менѣе, категорически заявлять, что «стараться убѣдить себя и другихъ, что наши мысль и воля дѣйствительно не свободны, есть своего рода безуміе».

Еще два слова о сознаніи. Сознанія Пироговъ не выводитъ изъ рефлексовъ, а напротивъ того полагаетъ, что многое безсознательное раньше было сознательнымъ. Рефлексы развились изъ сужденій.

II.

„Безграничное и вѣчное не только есть постулатъ нашего разума, но и самый громаднѣй фактъ“.

Пироговъ. *Дневникъ стараго врача.*

Переходя теперь къ философіи Пирогова, мы прежде всего не можемъ не напомнить взгляда его на специализацію въ умственной дѣятельности человѣка. «Только разностороннему предварительному развитію своихъ способностей люди и обязаны успѣхомъ въ культурѣ избраннаго ими предмета; только этимъ способомъ они, расширивъ свой кругозоръ, сумѣли найти новые пути и посмотрѣть на дѣло новымъ взглядомъ».

Засимъ онъ считаетъ доктринерствомъ проведеніе рѣзкаго различія между дедукціей и индукціей: «въ сущности апріористъ, также какъ и эмпирикъ берутъ за исходную точку своихъ сужденій фактъ». Только у апріориста «играютъ болѣе важную роль не столько непосредственныя чувственныя впечатлѣнія, сколько заключенія, сложившіяся въ умѣ и фантазіи изъ этихъ впечатлѣній». Впрочемъ и у эмпирика «безъ участія мысли и фантазіи не состоялся бы ни одинъ опытъ и всякій фактъ былъ бы безсмысленнымъ».

Говоря о томъ, что убѣжденія могутъ быть сильнѣе знаній и, вмѣстѣ съ тѣмъ, касаясь позитивизма, Пироговъ пишетъ: «Вотъ я, не оспаривая достоинствъ позитивизма и его пригодности для многихъ высокихъ умовъ, считаю его, однако же, для моего собственнаго ума не пригоднымъ, и, чтобы я могъ сдѣлаться позитивистомъ, я долженъ бы былъ

изнасиловать себя». Хотя Николай Ив. и не может осилить своего желанія дискурсировать въ сферѣ отвлеченныхъ вопросовъ и такъ или иначе рѣшать ихъ, но, тѣмъ не менѣе, онъ себя не признаетъ доктринеромъ, а причисляетъ себя къ «раціональнымъ эмпирикамъ». Прослужа вѣрою и правдою эмпирическому направленію «слишкомъ 50 лѣтъ, я убѣдился однакоже,—пишетъ Пироговъ,—что для человѣка съ моимъ складомъ ума невозможно остановиться по всѣмъ занимающимъ меня *вопросамъ жизни* въ этомъ одномъ направленіи или, другими словами, сдѣлаться позитивистомъ и сказать себѣ: «стой, ни шагу далѣе!» Безъ отвлеченій не мыслима дѣятельность нашего ума. «Пространство — фактъ, время — фактъ, жизнь — фактъ» и тѣмъ не менѣе все это «самыя крупныя и первостепеннѣйшія отвлеченія!» «Мы роковымъ образомъ, неминуемо, не видя и не ощущая неизмѣримаго и безграничнаго, признаемъ фактическое его существованіе;—вотъ, не-фактъ существуетъ такъ же фактически, какъ и фактъ; и въ существованіи безграничнаго и безмѣрнаго мы гораздо болѣе убѣждены, чѣмъ были убѣждены Колумбъ въ существованіи Америки до ея открытія. Разница только въ томъ, что мы нашу Америку никогда не откроемъ такъ, какъ онъ свою». Наши понятія о пространствѣ, времени и жизни не суть обобщенія, вродѣ обобщенія «человѣкъ». Все измѣряемое въ пространствѣ и времени не есть еще пространство и время, ибо пространство и время безмѣрны, неизмѣримы. Понятіе «жизнь» есть такая же категорія, какъ и время и пространство. Первый толчокъ къ образованію понятій о пространствѣ, времени и жизни въ нашемъ умѣ даетъ намъ наше ощущеніе бытія. Это ощущеніе тоже фактъ, но добытый не внѣшними нашими чувствами, а внутренно, интуитивно. Конечно, первый толчокъ къ образованію этихъ понятій даютъ намъ дѣйствія внѣшняго міра на наши чувства, на нашъ субъектъ, самая же суть ощущенія нашего бытія и понятій о пространствѣ, времени, и жизни «скрываются глубоко въ существѣ самаго жизненнаго начала».